

ТЕОРИЯ ГЕОГРАФИИ

Научная статья

УДК 911.3

DOI: 10.17072/2079-7877-2026-3-188-199

EDN: WQSLGY

ОБРАТНАЯ МЕНТАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЗОНАЛЬНОСТЬ
В ЦЕНТРО-ПЕРИФЕРИЙНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Алексей Валентинович Любичанковский

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Россия

av-lubichan@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4920-7320

Аннотация. Проблема территориальной выраженности ментальности рассматривается в статье в контексте центрально-периферийной организации социально-экономического пространства. В отличие от исследований, сосредоточенных преимущественно на восприятии пространства и индивидуальном поведенческом выборе, внимание перенесено на пространственные формы воспроизводства устойчивых поведенческих, ценностных и культурных комплексов. Методологическую основу работы составляют теоретическое моделирование, логико-дедуктивный анализ, сравнительно-географическая интерпретация и феноменологическое описание ментально-географических проявлений.

В статье предлагается концептуальная модель обратной ментально-географической зональности, описывающая соотношение между центрально-периферийной стратификацией социально-экономического пространства и степенью территориальной выраженности ментальных, прежде всего, этноментальных характеристик. Модель не отождествляет центрально-периферийную структуру с природной зональностью в строгом физико-географическом смысле, а использует зональную аналогию как аналитический приём для выявления преобладающих общественно-географических тенденций. Показано, что в периферийных пространствах чаще сохраняются регионализированные формы ментальности, связанные с устойчивыми практиками природопользования, материальной культуры и повседневного поведения. В полупериферии этноментальные признаки нередко приобретают линейно-узловую форму, а в центрах представлены в дисперсном, сетевом, анклавном или институционально закреплённом виде. Особое внимание уделено пределам применимости модели: городским и диаспоральным этносам, миграционным сообществам, неэтническим типам ментальности и полимасштабности анализа. Эмпирическая апробация проведена на материалах Армении, Актюбинской области Казахстана и Оренбургского региона.

Ключевые слова: география ментальности, этнологическая география, обратная ментально-географическая зональность, центрально-периферийная стратификация, этническая ментальность

Для цитирования: Любичанковский А. В. Обратная ментально-географическая зональность в центрально-периферийной стратификации социально-экономического пространства // Географический вестник = Geographical bulletin. 2026. № 3(78). С. 188–199. DOI: 10.17072/2079-7877-2026-3-188-199 EDN: WQSLGY

GEOGRAPHICAL THEORY

Original article

DOI: 10.17072/2079-7877-2026-3-188-199

EDN: WQSLGY

REVERSE MENTAL-GEOGRAPHICAL ZONALITY IN THE CENTER-PERIPHERY STRATIFICATION
OF SOCIOECONOMIC SPACE

Aleksey V. Lyubichankovsky

Orenburg State University, Orenburg, Russia

av-lubichan@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4920-7320

Abstract. The article examines the territorial manifestation of mentality in the context of the center-periphery organization of socioeconomic space. Unlike studies mainly focused on spatial perception and individual behavioral choice, this study shifts emphasis to spatial forms through which stable behavioral, value-based, and cultural complexes are reproduced. The methodological framework of the research includes theoretical modeling, logical-deductive analysis, comparative-geographical interpretation, and phenomenological description of mental-geographical manifestations.

© Любичанковский А. В., 2026

Лицензировано под CC BY 4.0. Чтобы посмотреть копию этой лицензии, посетите
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The article proposes a conceptual model of reverse mental-geographical zonality describing the relationship between the center-periphery stratification of socioeconomic space and the degree of territorial expression of mental, primarily ethno-mental, characteristics. The model does not equate the center-periphery structure with natural zonality in the strict physical-geographical sense; rather, it uses zonal analogy as an analytical tool for identifying prevailing socio-geographical tendencies. The article shows that peripheral spaces more often preserve regionalized forms of mentality associated with stable practices of nature management, material culture, and everyday behavior. In the semi-periphery, ethno-mental features often acquire a linear-nodal form, while in centers, they may be represented in a dispersed, networked, enclave-based, or institutionally fixed form. The study pays special attention to the limits of the model's applicability: urban and diasporic ethnic groups, migrant communities, non-ethnic types of mentality, and the multi-scale nature of the analysis. Empirical testing is carried out using materials from Armenia, the Aktobe Region of Kazakhstan, and the Orenburg region.

Keywords: geography of mentality, ethological geography, reverse mental-geographical zonality, center-periphery stratification, ethnic mentality

For citation: Lyubichankovsky A. V. Reverse mental-geographical zonality in the center-periphery stratification of socioeconomic space. *Geographical Bulletin*, 2026, no. 3(78), pp. 188–199. DOI: 10.17072/2079-7877-2026-3-188-199 EDN: WQSLGY

Введение

Центро-периферийная модель, описывающая стратификацию социально-экономического пространства [24], прочно заняла одну из лидирующих позиций в арсенале отечественной общественной географии. Эта схема описывает общественно-географическое пространство на всех уровнях не по позиционно-морфологическим, а по функциональным и динамическим параметрам [18; 19]. В этой схеме активно отражены не только экономические, но и сугубо социальные признаки. По сути, центральность идентифицируется по наличию большой концентрации креативного ресурса, определяющего лидерство в развитии.

Несомненно, что этот социальный слой во многом имеет и ментально-географический генезис. Территориальные общественные системы неразрывно связаны с «ментальным фактором», который проявляет себя в форме отношений между отдельными видами деятельности людей, слагающих территориальную систему, и является важнейшей составляющей территориальной системы [1].

В данной статье зональность понимается не как прямой перенос физико-географической схемы на социальное пространство, а как аналитическая метафора, позволяющая описывать повторяющиеся градиенты и пояса функциональной дифференциации. Центр, полупериферия и периферия рассматриваются как относительные позиции, зависящие от масштаба исследования, набора показателей и конкретной общественно-географической задачи.

Проблема состоит в том, что ментальные характеристики территорий редко включаются в центр-периферийный анализ как самостоятельный объект. Между тем различная включенность территорий в урбанизационные, миграционные, информационные и инновационные потоки влияет на способы сохранения, трансформации и репрезентации локальных форм поведения, ценностных ориентаций и культурной памяти.

В этой связи автор не стремится доказать жесткую зависимость между социально-экономическим рангом территории и типом ментальности. Исследовательская задача состоит в выявлении преимущественной тенденции и в определении тех случаев, когда она модифицируется городскими, диаспоральными, сетевыми или институциональными механизмами воспроизводства ментальности.

Цель статьи – теоретически обосновать и апробировать модель обратной ментально-географической зональности как инструмента анализа пространственной выраженности ментальных, прежде всего этноментальных, характеристик в системе центр-периферийных отношений.

Для достижения цели решаются следующие задачи: уточняется место географии ментальности в проблемном поле общественной географии; раскрываются аналитические возможности центр-периферийного подхода; формулируются основные положения модели; обозначаются пределы ее применимости; проводится первичная апробация на материалах Армении, Актыбинской области Казахстана и Оренбургского региона.

Научная новизна работы заключается в переносе центр-периферийной проблематики из плоскости преимущественно социально-экономических различий в сферу анализа пространственного воспроизводства ментальных структур. Такой ракурс позволяет уточнить, почему одни территории выступают носителями устойчивых региональных форм поведения, тогда как другие становятся площадками их смешения, сетевой репрезентации или институционального закрепления.

С учетом тезиса А. Г. Дружинина о воспроизводстве и усложнении центр-периферийной стратификации [5] ментальность рассматривается в статье как один из факторов, позволяющих выявить новые детерминанты пространственной неоднородности. Такая постановка продолжает ранее предложенную моносистемную модель структурирования ментальности в географическом пространстве [9; 11].

Далее представим обоснование, пределы применимости и эмпирическую апробацию предложенной модели.

Материалы и методы

В работе применены теоретические методы исследования: моделирование, аксиоматический метод, логико-дедуктивный анализ, сравнительно-географическая интерпретация и феноменологическое описание ментально-географических проявлений в ландшафте.

Метод моделирования использован для построения моносистемной модели структурирования ментальности в географическом пространстве. В рамках этой модели ментальность рассматривается не как самостоятельный компонент геосистемы, а как форма взаимодействия между компонентами территориальной системы, обусловленная культурогенезом и выраженная в устойчивых практиках поведения, нравах, обычаях и формах пространственной самоорганизации.

На основе аксиоматического метода, исходя из базовых культурно-географических постулатов, прежде всего концепции территориальной организации культуры [4], ментальность интегрируется в геокультурную систему как контактно-установочная функция между ее компонентами. Культурный ландшафт и культурно-территориальная общность выступают формами геосистем, организующих геокультурное пространство и отражающих определенную ментальность.

В методологическом отношении исследование опирается на дедуктивную логику: эмпирико-фактологические материалы используются не для статистического доказательства универсального закона, а для апробации и уточнения предложенной теоретической схемы на различных типах территорий.

Анализ ментально-географической специфики предполагает использование включенного наблюдения и феноменологического подхода. Они позволяют выявлять «слежки» образа жизни, оставленные человеком в ландшафте [28], а также соотносить наблюдаемые формы расселения, природопользования, материальной культуры и повседневных практик с более широкими ментальными структурами.

Для уточнения понятийного аппарата принципиально важно различать ментальную географию и географию ментальности. Первая преимущественно анализирует пространственное восприятие, образы пространства и поведенческие решения; вторая ориентирована на выявление самих поведенческих комплексов, нравов и обычаев как интегрально-пространственных структур общества. География ментальности имеет иной исследовательский фокус: она обращена к тому, как сама ментальность локализуется, воспроизводится и трансформируется в пространстве. Иными словами, речь идет не только о восприятии территории, но и о территориальной организации устойчивых поведенческих, ценностных и культурных комплексов. Такое разграничение позволяет избежать сведения исследовательской задачи только к перцепционным или когнитивным аспектам. В этом смысле ядром географии ментальности в данном исследовании выступает этнологическая география, а ментальность операционализируется через понятие этоса как совокупности устойчивых форм поведения, образа жизни и отношений к обжитому пространству [13; 23]. Коллективным субъектом такого этоса может быть не только этнос, но и культурно-территориальная, конфессиональная, профессиональная, поселенческая или иная общность.

Результаты и их обсуждение

Модель обратной ментально-географической зональности. Социально-экономическая центрально-периферийная стратификация пространства, рассматриваемая как модель относительных общественно-географических позиций, особым образом сопрягается с иерархическими уровнями ментальности. Предлагаемая нами обратная по отношению к центрально-периферийной стратификации ментально-географическая зональность показывает не механическую зависимость, а преобладающую тенденцию локализации ментальности, прежде всего этнической, в зависимости от удаленности от социально-экономического центра и степени включенности территории в потоки урбанизации, миграции, информации и инноваций (рис. 1).

Аутентичные свойства ментальности максимально проявляют себя во внутренней периферии. Именно на этом пространственном уровне ментальность регионализована в географическом пространстве и представлена сплошным типом. Этническая ментальность сохраняет наибольшее количество аутентичных проявлений в периферийных районах социально-экономического пространства. Этносоциокультурная среда этих областей отличается глубокой укорененностью традиций, обычаев, стереотипа поведения этноса, что делает эти территории модельными регионами для исследования этнической ментальности. Аутентичная культура воспринимается местными сообществами как неотъемлемая часть региональной идентичности и основа пространства повседневности.

Ментальность в полупериферийных частях социально-экономического пространства выражается, как правило, в линейно-узловой территориальной структуре с увеличением «размывания» характерного типа при приближении к более высокому социально-экономическому рангу территории.

В полупериферии наблюдается специфичное проявление ментальности, которое характеризуется постепенным ослаблением проявления региональных культурных особенностей. Этот феномен находит отражение в линейно-узловой территориальной структуре, где ключевые узлы (городские поселения, транспортные магистрали, промышленные зоны) оказывают определяющее воздействие на распространение культурных норм и стереотипов.

Теория географии
Любичанковский А. В.

При движении от периферии к центру увеличивается интенсивность «размывания» характерных ментальных черт. Под воздействием увеличивающегося обмена информацией, внедрения инноваций происходит формирование гибридных культурных моделей. Территориальная близость к экономическому ядру стимулирует интеграционные процессы, усиливающие влияние центральных стандартов и уменьшающие значение местной культурной идентичности. В полупериферии формируются особые формы ментальности, сочетающие в себе остатки регионального характера с элементами стандартизированной городской культуры.

Социально-экономический центр (крупногородская среда) отличается наличием гетерогенной мозаичности ментальных типов. Центральные районы отличаются полным отсутствием признаков этнического обособления и наличием гетерогенной мозаики традиций и ценностей. Наибольшее разнообразие здесь демонстрируют крупные мегалополисы, ставшие настоящими перекрестками мировых культур, где этнический компонент теряет свою значимость перед лицом доминирующих процессов глобализации и урбанизации.

Ментальные особенности выступают своеобразным маркером региональной удаленности от социально-экономического центра, особенно заметным в малодоступных уголках страны. Однако ближе к экономическим полюсам, крупным городам и транспортным узлам локальная специфика размывается, уступая место унифицированным представлениям и образцам поведения, заимствуемым извне.

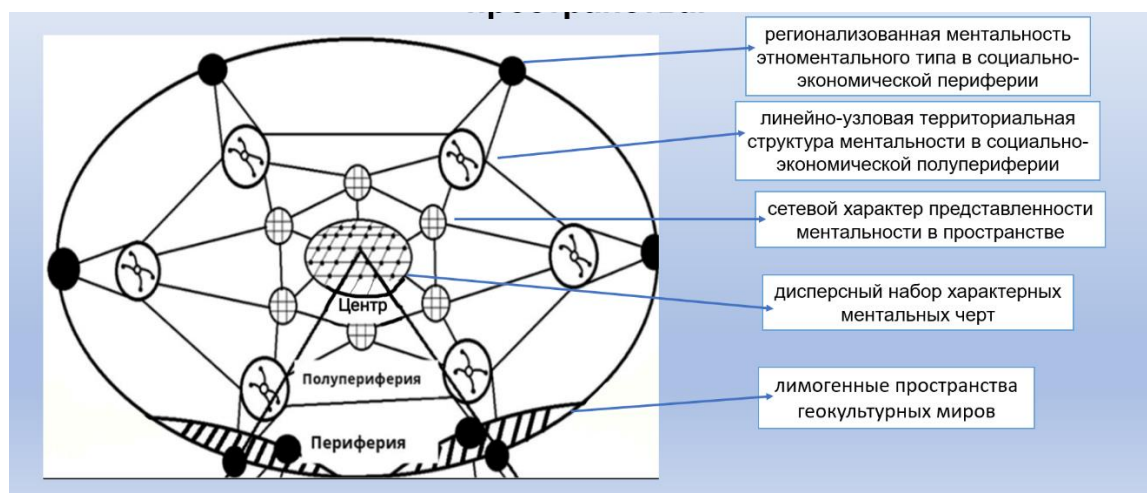

Рис. 1. Локализация ментальности по отношению к центрo-периферийной стратификации пространства:

- – регионализованная ментальность этноментального типа в социально-экономической периферии;
- ⊗ – линейно-узловая территориальная структура ментальности в социально-экономической полупериферии;
- ⊞ – сетевой характер представленности ментальности в пространстве;
- ⦿ – дисперсный набор характерных ментальных черт с практически полной потерей регионализации какого-либо типа;
- ▨ – лимогенные пространства геокультурных миров

Fig. 1. Localization of mentality in relation to the center-periphery stratification of space:

- – regionalized mentality of an ethno-mental type in the socioeconomic periphery;
- ⊗ – linear-nodal territorial structure of mentality in the socioeconomic semi-periphery;
- ⊞ – networked nature of the representation of mentality in space;
- ⦿ – a dispersed set of characteristic mental traits with virtually complete loss of regionalization of any type;
- ▨ – limogenic spaces of geocultural worlds

Таким образом, степень концентрации аутентичных традиционных черт ментальности в общем случае имеет тенденцию к обратной зависимости от уровня социально-экономической центральности территории. Чем дальше регион находится от экономических центров и чем слабее он включен в интенсивные коммуникационные потоки, тем выше вероятность сохранения самобытных черт. Вместе с тем в центрах возможно не только размывание локальной специфики, но и ее воспроизводство в сетевых, анклавных, институциональных и диаспоральных формах, что требует специального рассмотрения пределов применимости модели.

Пределы применимости модели и особые случаи. Предложенная модель обратной ментально-географической зональности описывает не универсальный механический закон, а преобладающую общественно-географическую тенденцию. Ее применение требует учета особых случаев, когда связь между социально-экономической периферийностью и сохранностью ментальных характеристик осложняется дополнительными факторами.

Во-первых, существуют городские и преимущественно сетевые этнокультурные общности, ментальность которых исторически формировалась не столько в сельской периферии, сколько в крупных городских центрах, торговых узлах, университетской среде, административных столицах и трансрегиональных коммуникационных сетях. В таких случаях центр не обязательно выступает пространством «размывания» аутентичной ментальности; напротив, он может становиться местом концентрации, воспроизводства и институционального закрепления специфической ментальности.

Во-вторых, крупные агломерации способны не только размывать этническую специфику, но и воспроизводить ее в форме диаспоральных, анклавных, профессионально-экономических и сетевых структур. Компактное расселение мигрантов, их включенность в определенные экономические ниши, поддержание транснациональных связей и постоянное обновление миграционного потока препятствуют полной ассимиляции и создают в пределах центра особые островные или сетевые формы ментальной локализации.

В-третьих, ментальность не всегда прямо связана с этничностью. Географически выраженными могут быть профессиональные, конфессиональные, поселенческие, поколенческие, субкультурные, пограничные и фронтирные типы ментальности. Для таких случаев модель должна применяться не к этничности как таковой, а к более широкому поведенческому комплексу, включающему нормы повседневности, ценностные ориентации, формы хозяйственного поведения, отношение к территории и устойчивые практики взаимодействия с ландшафтом.

В-четвертых, принципиальное значение имеет полимасштабность анализа. На макроуровне крупная агломерация может выступать центром национального или межрегионального пространства, но внутри нее могут существовать локальные периферии, этнокультурные анклавы и вернакулярные районы. Наоборот, периферийная территория в общенациональной системе может выполнять функцию локального центра для прилегающих сельских районов. Следовательно, модель обратной ментально-географической зональности должна применяться с обязательным указанием масштаба исследования и параметров, по которым определяется центральность или периферийность территорий.

Таким образом, предлагаемая схема не исключает городских, диаспоральных, сетевых и неэтнических форм ментальности. Она фиксирует базовую тенденцию пространственной регионализации ментальных проявлений на периферии, но нуждается в конкретизации применительно к тем случаям, где ментальность поддерживается не территориальной изоляцией, а сетевыми, институциональными, миграционными или профессионально-экономическими механизмами.

Эмпирическая апробация модели. В качестве эмпирической апробации предложенной модели обратной ментально-географической зональности представим ментально-географическую фактуру в Армении (страновой уровень с выраженной этнической доминантой), Актюбинской области Казахстана (регион с выраженным преобладанием казахского населения) и Оренбургском регионе (полиэтническая территория).

Выбор указанных полигонов рассматривается как исходный этап апробации модели, а не как исчерпывающее доказательство ее универсальности. Он позволяет сопоставить страновой и региональный масштабы, а также территории с разной степенью этнической однородности и полиэтничности. Оренбургский регион в нашем исследовании представлен в исторических границах, то есть в широком географическом простирании Оренбургского края (Урало-Каспийского региона [12]). Идентификация Урало-Каспийского культурного регионализма произведена в структуре Большого Урала. Таким образом, принцип полимасштабности и историко-географический подход расширяют рамки апробации, но одновременно задают необходимость дальнейшей проверки модели на более широком наборе территорий.

Анализ ментально-географической фактуры Актюбинской области Казахстана представлен на рис. 2. Регион не является моноэтническим в строгом смысле, однако характеризуется выраженным преобладанием казахского населения (71,3 % казахов [20]), что позволяет рассматривать его как пример территории с доминирующей этнокультурной основой.

Ментальность в периферийных сельских районах характеризуется высокой концентрацией традиционного типа застройки и планировочной структуры, нередко представленной сплошным ареалом распространения. В полупериферии наблюдается постепенное уменьшение подобной концентрации и формирование своеобразной линейно-узловой системы этноментальных проявлений. Узлами выступают отдельные очаги духовной культуры. Актобе представляет этническую аутентичную ментальность не как сплошной ареал, а как территориально дисперсную совокупность признаков, разрозненно и рассредоточено проявляющихся в крупногородской среде административного центра.

Теория географии
Любичанковский А. В.

Рис. 2. Локализация ментальности по отношению к центрo-периферийной стратификации пространства (на примере Актобeинской области Казахстана)

Fig. 2. Localization of mentality in relation to the center-periphery stratification of space (using the Aktobe Region of Kazakhstan as an example)

Армения в нашем исследовании служит модельной территорией, где этническая доминанта проявляется на страновом уровне (98 % населения составляют армяне). Эмпирическую базу исследования составили результаты трех этапов полевых работ, проведенных в октябре 2014 г., ноябре 2018 г., апреле 2022 г. Основным методом сбора данных на каждом из этапов выступало фокусированное интервью с экспертами. Пространственная репрезентация была достигнута выбором характерных поселений в различных культурно-исторических провинциях с учетом позиционного эффекта (удаления от Еревана) и природно-ландшафтного разнообразия: степени высокогорности поселения, а также лесной, степной или пустынной зоны его расположения (рис. 3).

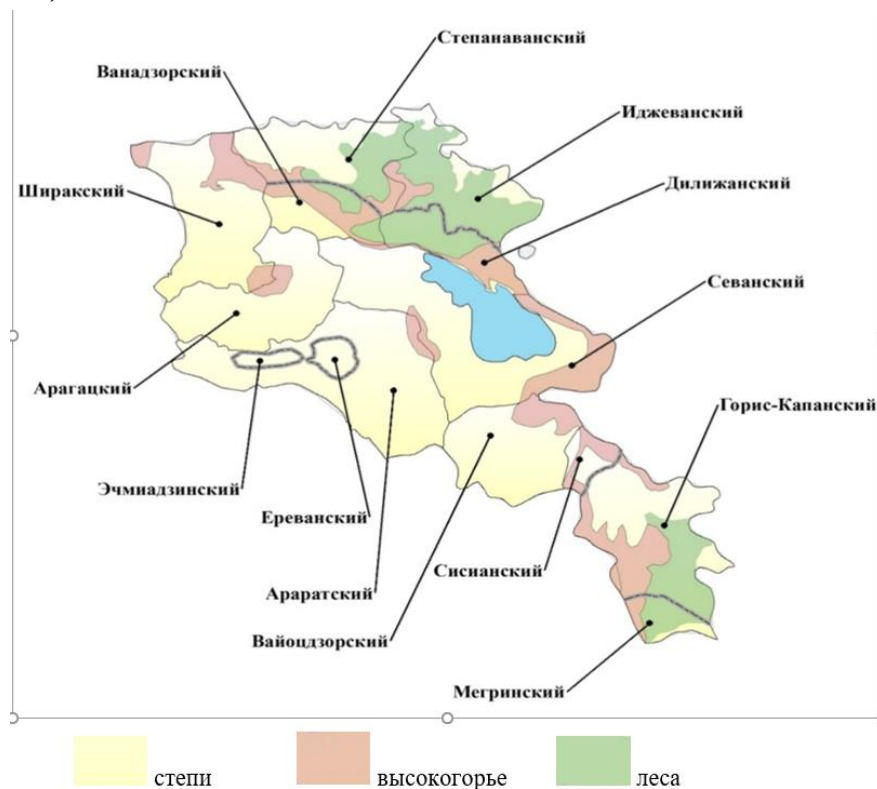

Рис. 3. Культурный регионализм и ландшафтные зоны Армении
Fig. 3. Cultural regionalism and landscape zones of Armenia

Специфика культурного регионализма Армении во многом обусловлена ее ментально-географическими особенностями. Хотя горный рельеф традиционно способствует формированию множества локальных идентичностей, привязанных к конкретным природным условиям, в армянском контексте это не препятствует процессу «размывания» уникальных ментальных характеристик. Наиболее устойчивыми к этим изменениям остаются малые сообщества. В труднодоступных регионах, удаленных от столичного центра, где социальная жизнь характеризуется высокой прозрачностью и взаимным контролем, лучше всего сохраняются автохтонные традиции, а также уникальные черты поселенческой и бытовой культуры.

Интересна связь этой особенности с характером воздействия на вмещающий ландшафт, которую отметил А. С. Наумов. А именно прекращение действия концентрической структуры экономических центров и переходом зональной специализации на ареальную систему организации, коррелирующую с природными особенностями территории [15].

В то же время Ереван демонстрирует своеобразную противотенденцию. Вернакулярные районы города представляют собой своеобразные островки традиционной армянской культуры, локализованные в городском центре. Современная застройка Еревана отличается высокой плотностью и хаотичностью. Аутентичные островки народной архитектуры со спонтанной, лабиринтообразной планировкой сохранились внутри этой застройки. В отличие от современных кварталов, где территориальная идентичность размыта и не привязана к конкретному месту, вернакулярный район четко ассоциируется с определенной территорией и выступает носителем местной идентичности.

Урбанизационная динамика Армении периода 1960–1980-х гг. детерминировала формирование моноцентричной этнической структуры Еревана [8]. Столица приобрела статус фокуса общеармянской консолидации. Генезис данного процесса носит ментально-этнологический характер и характеризуется низкой степенью управляемости. В отличие от социально-экономического процесса, направленного на интернационализацию городского пространства, произошла аккумуляция этнического ядра («собираения» армян), что привело к становлению самоорганизованного урбанистического сообщества с высокой степенью культурной гомогенности.

Доминирование этноментальной доминанты в социодемографическом профиле города сложилось как результат имманентных свойств формирующегося социума. Институциональная политика интернационализации оказалась менее эффективной, чем внутренние механизмы социальной самоорганизации. Новый городской организм выработал защитные механизмы (отторжение иноэтнических компонентов) в процессе конструирования собственной идентичности и поведенческих паттернов.

Данный феномен является уникальным для армянской истории. В отличие от средневековых столиц (Двин, Ани), выполнявших функции административных центров локальных государственных образований, современный Ереван выступает интегратором всего армянского этноса. Устойчивость диаспоральной модели («сетевая нация»), основанной на механизмах сохранения идентичности в инокультурной среде, подтверждает приоритет геотноментальных факторов над социально-экономической детерминацией развития этноса.

Рассмотрим также отражение предложенной модели в полиэтничном Оренбургском регионе.

Ключевой особенностью формирования Оренбургского региона стало взаимодействие миграционных волн, преимущественно из центральных губерний России, с автохтонным населением (казахи, башкиры, татары и др.). Это привело к тому, что край стал одной из самых интернациональных периферий Российской империи наряду с Новороссией. В XIX – начале XX века регион часто именовался «Урало-Каспийским» [12].

Полиэтническая ментальность в Оренбургском регионе в целом согласуется с предложенной моделью, но демонстрирует и ее полимасштабность. В сельской местности сохраняется традиционный тип природопользования и наиболее концентрированно представлены этнические особенности. Чем дальше населенный пункт находится от городской агломерации, тем выше вероятность сохранения традиционной культуры, однако отдельные локальные центры могут выполнять функцию узлов ее воспроизводства для прилегающих территорий.

В малых городах (Гай, Медногорск, Абдулино, Ясный, Сорочинск, Кувандык, Соль-Илецк, Бугуруслан) этноментальная представленность приобретает линейно-узловую форму, отражая транспортные и хозяйственные связи.

Крупногородская среда (Оренбург, Орск) характеризуется преимущественно дисперсной формой представленности этнической ментальности. В условиях плотной городской застройки этнические анклавы могут размываться, однако это не исключает сохранения сетевых, семейно-родственных, конфессиональных, профессиональных и диаспоральных механизмов воспроизводства ментальности, не всегда непосредственно привязанных к компактному ареалу проживания.

Ментальность в общественно-географическом поле исследования. Постановка вопроса о пространственной организации ментальности исходит из более общего представления о том, что общественная география изучает не только размещение населения, хозяйства, инфраструктуры и институтов, но и территориальную дифференциацию устойчивых форм общественной жизни. Уже в работах отечественных географов-обществоведов подчеркивалось, что территориальные общественные системы включают не только

*Теория географии
Любичанковский А. В.*

материальные, экономические и расселенческие компоненты, но и психологические, нравственные, культурные и духовные аспекты жизнедеятельности населения [1; 21]. Это позволяет рассматривать ментальность как один из значимых, хотя и недостаточно разработанных, компонентов общественно-географического анализа.

Для географического исследования принципиально важно не само наличие у индивидов определенных установок, а их пространственная устойчивость, повторяемость и связь с конкретными территориальными условиями. Ментальность проявляется через формы расселения, характер природопользования, типы хозяйственной активности, вернакулярную структуру пространства, повседневные маршруты, символические места, локальные традиции и способы социального взаимодействия. В этом смысле она может быть понята как совокупность устойчивых поведенческих, ценностных и культурных комплексов, закрепленных в определенных территориальных общностях и воспроизводимых через практики повседневной жизни.

В отечественной традиции близкие вопросы разрабатывались в рамках культурной географии и этнической географии. Значимыми для данной проблематики являются работы А. Г. Дружинина, в которых культура рассматривается как территориально организованная система, связанная с культурно-территориальными общностями и геокультурными процессами [4]. Важны также исследования Н. Ю. Замятиной, показывающие связь природной и культурной дифференциации человеческой деятельности, а также возможность анализа зональности не только как физико-географического, но и как культурно-антропологического феномена [7]. В более широком теоретическом контексте данная постановка соотносится с представлениями М. Д. Шарыгина о необходимости расширения предметного поля общественной географии за счет анализа сложных социальных, культурных и духовных структур общества [21].

Зарубежная исследовательская географическая традиция накопила значительный опыт изучения поведения, восприятия и ментальных образов в пространстве. В поведенческой географии Р. Голледж рассматривал пространственное поведение как результат принятия решений и выбора моделей действия в различных физических, социальных и экономических условиях [27]. Работы П. Гулда и Р. Уайта о ментальных картах показали, что географическое пространство существует не только как объективная территориальная реальность, но и как система субъективных предпочтений, образов, дистанций и ценностных иерархий [29]. Близкую проблематику развивали Р. Даунс и Д. Стя, связывавшие когнитивное картирование с ориентацией человека в пространстве и формированием пространственного поведения [30]. Существенное значение имеют и исследования К. Линча, показавшего, что образ города складывается из устойчиво воспринимаемых элементов городской среды и влияет на ориентацию человека в пространстве [37]. Тем самым в западной human geography был поставлен вопрос о том, что географическая реальность не исчерпывается материальными объектами, а включает способы ее восприятия, оценки и поведенческого освоения.

Особое значение для географии ментальности имеют работы представителей гуманистической географии. Туан И-Фу ввел в научный оборот категорию топофилии, раскрывая эмоциональную привязанность человека к месту и роли переживания пространства в формировании территориальной идентичности [31]. Э. Релф исследовал феномен места и безместности, показывая, что утрата укорененности в месте ведет к разрушению устойчивых форм идентичности и повседневной ориентации [32]. Д. Лоуэнталь анализировал прошлое как важнейший компонент восприятия ландшафта, памяти и культурной самоидентификации территориальных сообществ [33]. Э. Буттимер связывала географическое исследование с анализом жизненного мира, повседневного опыта и динамики человеческого существования в пространстве [38]. В совокупности эти исследования позволяют рассматривать ментальность не как абстрактную психологическую характеристику, а как пространственно опосредованную форму связи человека, сообщества и территории.

Методологически близкой к рассматриваемой проблематике является и хроногеография Т. Хегерстранда, в которой поведение человека анализируется через пространственно-временные траектории, ограничения, маршруты и повседневные практики [34]. Для географии ментальности этот подход важен тем, что позволяет видеть в поведении не только индивидуальный выбор, но и повторяемую структуру жизнедеятельности, закрепленную в пространстве. Повседневные маршруты, ритмы, локальные практики и устойчивые формы контактов образуют эмпирически наблюдаемую ткань ментальности, особенно на уровне малых территориальных общностей.

Для операционализации понятия «ментальность» продуктивно обращение к категории этоса. Ментальность является чрезвычайно широким понятием, включающим установки мышления, эмоционально-ценностные ориентации, способы восприятия мира, модели поведения и культурные коды. Для целей общественно-географического анализа она нуждается в сужении до тех проявлений, которые могут быть выявлены в пространстве. В этом отношении этос, понимаемый как устойчивый комплекс нравов, обычаев, стереотипов поведения и образа жизни, оказывается особенно важным. В антропологической традиции Р. Бенедикт этос культуры рассматривался как внутренняя конфигурация культурных элементов, задающая своеобразие каждой культуры [23]. Б. Малиновский, в свою очередь, связывал культуру с устойчивыми способами удовлетворения базовых потребностей и с институционально закрепленными формами поведения [13]. Для географии существенно, что этос изначально связан с местом обитания, обжитым пространством и средой повседневного существования.

*Теория географии
Любичанковский А. В.*

В культурно-ландшафтной традиции близкую постановку можно обнаружить у К. Зауэра, который рассматривал культурный ландшафт как результат деятельности культурной группы в природной среде [28]. Человек оставляет в ландшафте своеобразные «слепки» образа жизни, а потому ландшафт может быть прочитан как материальное выражение культуры. В дальнейшем эта линия была развита в новой культурной географии, где ландшафт стал пониматься не только как вещественная форма, но и как символический текст, насыщенный значениями, образами власти, идентичности и памяти [35; 36]. Для географии ментальности это особенно важно, поскольку ментальные структуры проявляются не только в поведении людей, но и в организации пространства, системе символических мест, характере застройки, сакральной топографии, вернакулярных районах и локальных практиках природопользования.

География ментальности не должна сводиться исключительно к этничности. Этническая ментальность является одним из наиболее наглядных и эмпирически выявляемых вариантов пространственной репрезентации ментальности, поскольку она часто закрепляется в традициях природопользования, поселенческой структуре, материальной культуре, символических ландшафтах и устойчивых формах межпоколенческой передачи опыта. Однако наряду с этноментальными структурами существуют и другие типы ментальности: конфессиональные, профессиональные, поселенческие, фронтирные, диаспоральные, поколенческие, субкультурные, агломерационные, пограничные. Их пространственная организация может не совпадать с этнической картиной территории, но также подлежит общественно-географическому анализу.

Это обстоятельство особенно важно для уточнения модели обратной ментально-географической зональности. В тех случаях, когда речь идет об этноментальных проявлениях традиционного типа, периферийные территории чаще выступают зонами наибольшей сохранности локальных черт. Здесь медленнее протекают процессы унификации, сильнее выражена связь с ландшафтом, устойчивее формы традиционного природопользования и плотнее социальный контроль малых сообществ. Однако для городских, диаспоральных и сетевых типов ментальности механизм пространственного закрепления может быть иным. Крупный город способен не только размывать локальную специфику, но и концентрировать отдельные ментальные комплексы за счет миграционных потоков, компактного расселения, профессиональной специализации, институциональной поддержки, религиозных центров или устойчивых трансрегиональных связей.

Следовательно, ментальность в общественно-географическом поле исследования должна анализироваться полимасштабно. На макроуровне можно говорить о соотношении национальных, цивилизационных и крупных региональных ментальных комплексов. На мезоуровне выявляются различия между центром, полупериферией и периферией в пределах страны, региона или историко-культурной области. На микроуровне предметом анализа становятся вернакулярные районы, городские анклав, локальные сообщества, сельские поселения, локальные ареалы компактного расселения мигрантов, профессиональные и конфессиональные узлы. Один и тот же объект может занимать разные позиции в зависимости от масштаба анализа: крупная агломерация является центром в национальной системе, но внутри нее могут существовать локальные периферии и ментально обособленные пространства; периферийный район, в свою очередь, может выполнять функцию локального центра для окружающих поселений.

Объектом географии ментальности в таком понимании выступают пространственные структуры ментальности, то есть формы закрепления в географическом пространстве устойчивых поведенческих, ценностных и культурных комплексов, различающихся по территориальным общностям. Предметом исследования являются общественно-географические факторы, механизмы и особенности формирования, воспроизводства и трансформации этих структур. К числу таких факторов относятся положение территории в системе «центр – периферия», характер расселения, уровень транспортной связности, миграционная динамика, этнокультурный состав населения, тип природопользования, историко-географическая траектория освоения, степень институциональной включенности и интенсивность внешних коммуникаций.

Методологически исследование ментальности предполагает сочетание теоретического моделирования, историко-географического анализа, культурно-ландшафтной интерпретации, включенного наблюдения, экспертных интервью, анализа вернакулярных представлений и пространственных практик. Особое значение имеет феноменологический подход, позволяющий выявлять не только формальные характеристики территории, но и те устойчивые формы переживания, освоения и символического присвоения пространства, которые формируют повседневную ментальную структуру сообщества [31; 32; 38]. Эти проявления могут выражаться в планировочной структуре поселений, локальной архитектуре, системе сакральных мест, устойчивых маршрутах, бытовых практиках, характере освоения природной среды и символическом наполнении пространства.

Таким образом, включение ментальности в общественно-географическое поле исследования расширяет представление о территориальных общественных системах. Ментальность выступает не внешним по отношению к ним феноменом, а одной из форм их внутренней организации. Она связывает социальные практики, культурные нормы, историческую память и ландшафт в единую пространственную структуру. Именно поэтому анализ ментальности позволяет глубже понять не только культурную специфику отдельных территорий, но и закономерности их положения в центрo-периферийной системе общественного пространства.

Теория географии
Любичанковский А. В.

Выводы

Таким образом, в статье предложена и теоретически обоснована модель обратной ментально-географической зональности, описывающая преимущественную тенденцию обратной сопряженности между уровнем социально-экономической центральности территории и степенью регионализованной выраженности этноментальных характеристик. Периферийные ареалы чаще характеризуются сохранением аутентичных форм материальной культуры, поселенческой структуры, природопользования и повседневных практик. В полупериферийной зоне этнокультурный код нередко структурируется по линейно-узловому принципу, тогда как в центральном ядре он может быть представлен в дисперсной, сетевой, анклавной или институционально закреплённой форме. Универсальность предложенной схемы не следует понимать как механическую применимость ко всем возможным случаям. Модель требует обязательного учета масштаба анализа, этнической и миграционной структуры, историко-географического контекста, а также неэтнических форм ментальности – профессиональных, конфессиональных, поселенческих, поколенческих, субкультурных и фронтальных. Практическая апробация на материалах Армении, Актюбинской области Казахстана и Оренбургского региона показывает эвристическую продуктивность модели и одновременно задает направление дальнейшей проверки на более широком массиве территорий.

Библиографический список

1. Бакланов П. Я. Об объекте, предмете и задачах современной социально-экономической географии // Социально-экономическая география. Вестн. ассоциации рос. географов-обществоведов. 2014. № 1(9). С. 4–12. EDN: SOAQUL
2. География. Современная иллюстрированная энциклопедия / под ред А. П. Горкина. М.: Росмэн, 2006. 624 с.
3. Джонстон Р. Дж. География и географы: очерк развития англо-американской социальной географии после 1945 г. М.: Прогресс, 1987. 368 с.
4. Дружинин А. Г. Теоретические основы географии культуры. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999. 151 с. ISBN: 5-87872-037-X EDN: BKPSBE
5. Дружинин А. Г. Полизависимость в центрo-периферийной стратификации территориальной организации общества: основы концепции // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2014. № 3. С. 29–40. EDN: SOAQVF
6. Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. Концепция близости: зарубежный опыт и перспективы применения в России // Известия РАН. Серия географическая. 2017. № 3. С. 8–21. DOI: 10.7868/S037324441703001X EDN: YRHHJZ
7. Замятина Н. Ю. Антропология зональности: природа и культура в пространственной дифференциации человеческой деятельности // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 4(47). С. 174–185. DOI: 10.20874/2071-0437-2019-47-4-14 EDN: BHBZAK
8. Лурье С. В. Историческая этнология: учеб. пособие для вузов. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2004. 624 с. ISBN: 5-8291-0352-4 EDN: QOUHFN
9. Любичанковский А. В. Географические исследования ментальности: методология, теория, методы, практика: дис. ... д-ра геогр. наук / Балтийский фед. ун-т им. И. Канта. Калининград, 2024. 278 с.
10. Любичанковский А. В. Географические исследования ментальности: теория, методология, методы, практика. Оренбург: Оренбург. гос. ун-т, 2023. 223 с. EDN: CAQQOQ
11. Любичанковский А. В. Концептуализация пространства ментальности // Общественная география в меняющемся мире: фундаментальные и прикладные исследования: Мат. междунар. науч. конф. в рамках X науч. Ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО) (Казань, 17–22 сентября 2019 г.). Казань: Казан. (Приволжский) фед. ун-т, 2019. С. 62–64. EDN: GIWKIL
12. Любичанковский А. В. Этологическая география Оренбуржья: от Урало-Каспийского региона к современным форматам // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. 2024. Т. 34, № 1. С. 96–103. DOI: 10.35634/2412-9518-2024-34-1-96-103 EDN: LKDLIS
13. Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: ОГИ, 2005. 184 с. ISBN: 5-94282-308-1 EDN: YDMWXJ
14. На теневой стороне. Материалы к истории семинара М. А. Розова по эпистемологии и философии науки в Новосибирском Академгородке. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. 412 с. URL: <https://djvu.online/file/QwZbDU5iFsUeM?ysclid=lym8qu1ac917628237> (дата обращения: 16.03.2026)
15. Наумов А. С. Социально-экономическая многоукладность сельского хозяйства и современная интерпретация модели «центр – периферия» для развивающейся страны // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. 1993. Вып. 13. С. 155–174. EDN: XVEBPZ
16. Пилясов А. Н. Арктика: общее и особенное // Пути России. Север – Юг. 2017. Т. XXIII. С. 16–21. EDN: YREOJF
17. Реймерс Н. Ф. Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). М.: Россия молодая, 1994. 394 с.
18. Трейвиш А. И. Территориальная симметрия, ритмика и краевой эффект в их позиционном и композиционном значении // Географическое положение и территориальные структуры. 2012. С. 368–390. EDN: VVPZHF
19. Трейвиш А. И. Центр, периферия и фасад как дополняющие понятия геострановедения // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2016. № 5. С. 4–15. EDN: VYXQHN
20. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам и возрастным группам (на начало 2025 г.). URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/281562/> (дата обращения: 16.03.2026)
21. Шарыгин М. Д. Общественная география: контуры будущей науки // Географический вестник. 2014. № 1. С. 20–28. EDN: SBUMKN
22. Экологическая география России / под ред. А. Г. Исаченко. СПб: Издательский дом СПбГУ, 2001. 328 с.
23. Benedict R. Patterns of Culture. Boston; New York: Houghton Mifflin Company, 1934. 260 p.
24. Friedmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. MIT Press, 1966. 279 p.
25. Fujita M. Thünen and the New Economic Geography // Discussion papers. 2011. No. 11074. P. 1–18.

Теория географии
Любичанковский А. В.

26. Fujita M., Mori T. On the dynamics of frontier economies: Endogenous growth or the selforganization of a dissipative system? // *Annals of the regional science*. 1998. No. 32. P. 39–62. DOI: 10.1007/s001680050062 EDN: HFR0WR
27. Golledge R. G. Spatial behavior: A geographic perspective. New York: Guilford Press, 1997. 620 p.
28. Sauer C. O. The morphology of landscape // *University California Publications in Geography*. 1925. Vol. 2, No. 2. P. 19–53.
29. Gould P., White R. Mental Maps. Harmondsworth: Penguin Books, 1974. 204 p. DOI: 10.4324/9780203163757
30. Downs R. M., Stea D. Maps in Minds: Reflections on Cognitive Mapping. New York: Harper & Row, 1977. 284 p.
31. Tuan Yi-Fu. Topophilia: A Study of Environmental Perception, Attitudes, and Values. New York: Columbia University Press, 1974. 260 p.
32. Relph E. Place and Placelessness. London: Pion, 1976. 156 p.
33. Lowenthal D. The Past is a Foreign Country. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 489 p.
34. Hägerstrand T. What about people in regional science? // *Papers of the Regional Science Association*. 1970. Vol. 24. P. 7–21.
35. Cosgrove D. Social Formation and Symbolic Landscape. London: Croom Helm, 1984. 293 p.
36. Meinig D. W. The Beholding Eye: Ten Versions of the Same Scene // *The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays*. 1979. P. 33–48. DOI: 10.2307/1424357
37. Lynch K. The Image of the City. Cambridge, MA: MIT Press, 1960. 194 p.
38. Buttimer A. Grasping the Dynamism of Lifeworld // *Annals of the Association of American Geographers*. 1976. Vol. 66, No. 2. P. 277–292. DOI: 10.1111/j.1467-8306.1976.tb01090.x

References

1. Baklanov P. Ya. Ob ob"ekte, predmete i zadachakh sovremennoi sotsial'no-ekonomicheskoi geografii [On the Object, Subject, and Tasks of Modern Socio-Economic Geography]. *Socio-Economic Geography. Bulletin of the Association of Russian Geographers-Society Scientists*, 2014, no. 1(9), pp. 4–12. (In Russ.) EDN: SOAQUL
2. *Geografiya. Sovremennaya illyustrirovannaya entsiklopediya* [Geography. Modern Illustrated Encyclopedia]. Ed by A. P. Gorkina. Moscow: Rosmen, 2006. 624 p. (In Russ.)
3. Dzhonston R. Dzh. *Geografiya i geografyy: ocherk razvitiya anglo-amerikanskoi sotsial'noi geografii posle 1945 g.* [Geography and Geographers: An Essay on the Development of Anglo-American Social Geography since 1945]. Moscow: Progress, 1987. 368 p. (In Russ.)
4. Druzhinin A. G. *Teoreticheskie osnovy geografii kul'tury* [Theoretical Foundations of the Geography of Culture]. Rostov-na-Donu: Izd-vo SKNTS VSH, 1999. 151 p. (In Russ.) ISBN: 5-87872-037-X EDN: BKPSBE
5. Druzhinin A. G. Polizavisimost' v tsentro-periferiinoi stratifikatsii territorial'noi organizatsii obshchestva: osnovy kontseptsii [Polydependence in the center-periphery stratification of the territorial organization of society: the foundations of the concept]. *Socio-Economic Geography. Bulletin of the Association of Russian Geographers and Social Scientists*, 2014, no. 3, pp. 29–40. (In Russ.) EDN: SOAQVF
6. Zamyatina N. Yu., Pilyasov A. N. Concept of proximity: foreign experience and prospects of application in Russia. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 2017, no. 3, pp. 8–21. (In Russ.) DOI: 10.7868/S037324441703001X EDN: YRHHJZ
7. Zamyatina N. Yu. Anthropology of zonality: nature and culture in the spatial differentiation of human activity. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 2019, no. 4(47), pp. 174–185. (In Russ.) DOI: 10.20874/2071-0437-2019-47-4-14 EDN: BHBZAK
8. Lur'e S. V. *Istoricheskaya etnologiya: ucheb. posobie dlya vuzov* [Historical Ethnology: a textbook for universities]. Moscow: Akademicheskii Proekt; Gaudeamus, 2004. 624 p. (In Russ.) ISBN: 5-8291-0352-4 EDN: QOUHFH
9. Lyubichankovskii A. V. *Geograficheskie issledovaniya mental'nosti: metodologiya, teoriya, metody, praktika* [Geographical Studies of Mentality: Methodology, Theory, Methods, Practice]. D.Sc. dissertation, Immanuel Kant Baltic Federal University. Kaliningrad, 2024. 278 p. (In Russ.)
10. Lyubichankovskii A. V. *Geograficheskie issledovaniya mental'nosti: teoriya, metodologiya, metody, praktika* [Geographical Studies of Mentality: Theory, Methodology, Methods, Practice]. Orenburg: Orenburgskii gosudarstvennyi universitet, 2023. 223 p. (In Russ.) EDN: CAQOQO
11. Lyubichankovskii A. V. Kontseptualizatsiya prostranstva mental'nosti [Conceptualization of the space of mentality]. In *Obshchestvennaya geografiya v menyayushchemsya mire: fundamental'nye i prikladnye issledovaniya: Mat. mezhdun. nauch. konf. v ramkakh X nauch. Assamblei Assotsiatsii rossiiskikh geografov-obshchestvedov (ARGO), 17–22 sentyabrya 2019 g.* Kazan': Kazanskii (Privolzhskii) federal'nyi universitet, 2019, pp. 62–64. (In Russ.) EDN: GIWKIL
12. Lyubichankovsky A. V. Ethological geography of the Orenburg region: from the Ural-Caspian region to modern formats. *Bulletin of Udmurt University. Series Biology. Earth Sciences*, 2024, vol. 34, no. 1, pp. 96–103. (In Russ.) DOI: 10.35634/2412-9518-2024-34-1-96-103. DOI: 10.35634/2412-9518-2024-34-1-96-103 EDN: LKDLIS
13. Malinovskii B. *Nauchnaya teoriya kul'tury* [Scientific Theory of Culture]. Moscow: OGI, 2005. 184 p. (In Russ.) ISBN: 5-94282-308-1 EDN: YDMWXJ
14. *Na tenevoi storone. Materialy k istorii seminarov M. A. Rozova po epistemologii i filosofii nauki v Novosibirskom Akademgorodke* [On the Shadow Side. Materials for the History of M. A. Rozov's Seminar on Epistemology and the Philosophy of Science in the Novosibirsk Akademgorodok]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2004. 412 p. (In Russ.) URL: <https://djvu.online/file/QwZbDU5iFsUeM?ysclid=lym8qu1ac917628237> (Accessed 16 March 2026).
15. Naumov A. S. Sotsial'no-ekonomicheskaya mnogoukladnost' sel'skogo khozyaistva i sovremennaya interpretatsiya modeli "tsentr – periferiya" dlya razvivayushcheysya strany [Socio-economic multi-layered nature of agriculture and the modern interpretation of the "center–periphery" model for a developing country]. *Issues of Economic and Political Geography of Foreign Countries*, 1993, issue 13, pp. 155–174. (In Russ.) EDN: XVEBPZ
16. Pilyasov A. N. Arktika: obshchee i osobennoe [The Arctic: the General and the Particular]. *Ways of Russia. North – South*, 2017, vol. XXIII, pp. 16–21. (In Russ.) EDN: YREOJF
17. Reimers N. F. *Ekologiya (teorii, zakony, pravila, printsipy i gipotezy)* [Ecology (theories, laws, rules, principles and hypotheses)]. Moscow: Rossiya molodaya, 1994. 394 p. (In Russ.)

Теория географии
Любичанковский А. В.

18. Treivish A. I. Territorial'naya simmetriya, ritmika i kraevoi effekt v ikh pozitsionnom i kompozitsionnom znachenii [Territorial symmetry, rhythmicity, and the edge effect in their positional and compositional significance]. *Geographical Position and Territorial Structures*, 2012, pp. 368–390. (In Russ.) EDN: VVPZHF
19. Treivish A. I. Tsentr, periferiya i fasad kak dopolnyayushchie ponyatiya geostranovedeniya [Center, periphery, and facade as complementary concepts in geostranovedeniye]. *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Assotsiatsii rossiyskikh geografov-obshchestvovedov*, 2016, no. 5, pp. 4–15. (In Russ.) EDN: VYXQHN
20. Chislennost' naseleniya Respubliki Kazakhstan po otdel'nym etnosam i vozrastnym gruppam (na nachalo 2025 g.) [The population of the Republic of Kazakhstan by individual ethnic groups and age groups (as of early 2025)]. (In Russ.) URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/281562/> (Accessed 16 March 2026).
21. Sharygin M. D. Obshchestvennaya geografiya: kontury budushchei nauki [Social Geography: The Outline of a Future Science]. *Geographical Bulletin*, 2014, no. 1, pp. 20–28. (In Russ.) EDN: SBUMKN
22. *Ekologicheskaya geografiya Rossii* [Ecological geography of Russia]. Ed by A. G. Isachenko. Saint Petersburg: Izdatel'skii dom SPbGU, 2001. 328 p. (In Russ.)
23. Benedict R. Patterns of Culture. Boston; New York: Houghton Mifflin Company, 1934. 260 p.
24. Friedmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. MIT Press, 1966. 279 p.
25. Fujita M. Thünen and the New Economic Geography. *Discussion papers*, 2011, no. 11074, pp. 1–18.
26. Fujita M., Mori T. On the dynamics of frontier economies: Endogenous growth or the selforganization of a dissipative system? *Annals of the regional science*, 1998, no. 32, pp. 39–62. DOI: 10.1007/s001680050062 EDN: HFROWR
27. Golledge R. G. Spatial behavior: A geographic perspective. New York: Guilford Press, 1997. 620 p.
28. Sauer C. O. The morphology of landscape. *University California Publications in Geography*, 1925, vol. 2, no. 2, pp. 19–53.
29. Gould P., White R. Mental Maps. Harmondsworth: Penguin Books, 1974. 204 p. DOI: 10.4324/9780203163757
30. Downs R. M., Stea D. Maps in Minds: Reflections on Cognitive Mapping. New York: Harper & Row, 1977. 284 p.
31. Tuan Yi-Fu. Topophilia: A Study of Environmental Perception, Attitudes, and Values. New York: Columbia University Press, 1974. 260 p.
32. Relph E. Place and Placelessness. London: Pion, 1976. 156 p.
33. Lowenthal D. The Past is a Foreign Country. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 489 p.
34. Hägerstrand T. What about people in regional science? *Papers of the Regional Science Association*, 1970, vol. 24, pp. 7–21.
35. Cosgrove D. Social Formation and Symbolic Landscape. London: Croom Helm, 1984. 293 p.
36. Meinig D. W. The Beholding Eye: Ten Versions of the Same Scene. *The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays*, 1979, pp. 33–48. DOI: 10.2307/1424357
37. Lynch K. The Image of the City. Cambridge, MA: MIT Press, 1960. 194 p.
38. Buttimer A. Grasping the Dynamism of Lifeworld. *Annals of the Association of American Geographers*, 1976, vol. 66, no. 2, pp. 277–292. DOI: 10.1111/j.1467-8306.1976.tb01090.x

Статья поступила в редакцию: 07.05.26, одобрена после рецензирования: 20.07.26, принята к опубликованию: 12.09.26.

The article was submitted: 07 May 2026; approved after review: 20 July 2026; accepted for publication: 12 September 2026.

Информация об авторе

Алексей Валентинович Любичанковский

Кандидат географических наук, доцент,
доцент кафедры географии и регионоведения,
Оренбургский государственный университет;
460018, Россия, г. Оренбург, Проспект Победы, д. 13

Information about the author

Aleksey V. Lyubichankovsky

Candidate of Geographical Sciences, Associate
Professor, Department of Geography and Regional
Studies, Orenburg State University;
13, prospekt Pobedy, Orenburg, 460018, Russia

e-mail: av-lubichan@yandex.ru